

ЕКАТЕРИНА КУБРЯКОВА

ГОЛОСА
ИЗ ТАЙНЫ СТАРИННЫХ
УСАДЕБ ПЕТЕРБУРГА
ОКОН

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Оглавление

Читателю	6
Усадьба Рождествено	9
Усадьба Пятая Гора	15
Усадьба Приютино	21
Анна и Алексей Лобанов-Ростовский	24
Анна и Алексей Чечурин	26
Анна и Александр Пушкин	32
Анна и Николай Киселев	40
Анна и Егор Мейендорф	42
Анна и Матвей Виельгорский	46
Усадьба Кирьяново	53
Усадьба Пенаты	63
Дача Полторацкой (Уткина Дача)	81
Усадьба Александрино	93
Усадьба Дылицы	101
Елагин дворец	117
Ропшинский дворец	145
Усадьба Суйда	157
Усадьба Марьино	171
Дача Месмахера	185
Усадьба Витгенштейна	193
Усадьба Елисеева	211

Читателю

О чем вы думаете, когда слышите «Усадьба под Петербургом»? Представьте себе место, где каждый камень, каждая трещина в старом паркете хранит в себе отголоски эпох, затерянных в туманной дымке прошлого. Усадьбы — эти крошечные вселенные, некогда принадлежавшие богатым, знатным, выдающимся людям ушедших времен — оказываются удивительно хрупкими перед неумолимым натиском времени. Они тают на глазах, словно призрачные видения, медленно уходя вслед за своими первыми владельцами, в то время как неказистые доходные дома, обитаемые простым людом, или городские строения, пусть не столь изысканные, но пронизанные живым пульсом петербургской жизни, упрямо противостоят годам.

Каждая строка этой книги — словно шаг по скрипучим половицам истории, а каждая страница — это причудливая мозаика великих и малых событий, смешанных в волшебном котле времени. Сквозь пелену тайн и загадок, через века и людские судьбы мы попытаемся хоть на мгновение ухватить тот невидимый узор, что незримо связывает нас с этими зданиями — безмолвными, но красноречивыми свидетелями былого великолепия.

Серия книг «Голоса из окон», в которой я собираю обрывки воспоминаний, связанные с адресами моего родного города, — это не энциклопедия и не краеведческое исследование. Скорее — калейдоскоп историй, своеобразная интерпретация *genius loci* — духа места, обитающего в старинных домах великого города. Попытка оживить здания голосами их знаменитых обитателей.

И, быть может, после этого путешествия по лабиринтам прошлого мы сможем уловить их тихий, едва различимый шепот. Почувствовать, что истории этих древних стен — это и наши собственные истории, причудливо сплетенные

в одну великую, нескончаемую канву времени. Ведь усадьбы — это не просто архитектурные памятники, это живые свидетели эпох, хранители тайн и воспоминаний, ждущие того, кто сумеет разгадать их загадки и услышать их безмолвный рассказ.

Екатерина Кубрякова

Голоса из окон

Усадьба Рождествено

ул. Музейная, 1, Рождествено,
Ленинградская обл.

«Мы встречались за рекой, в парке имения, принадлежавшего моему дяде: в то лето он остался в Италии, и мы с Тамарой безраздельно владели и просторным этим парком с его мхами, и осенней лазурью, и русой тенью шуршащих аллей, и садом, полным мясистых, розовых и багряных георгин, и беседками, и скамьями, и террасами запертого дома. В темноте журчал дождь. За мостом тропинка, отороченная мокрым жасмином, круто шла вверх; приходилось слезать с велосипеда и толкать его в гору, и капало на руку. Наверху мертвенный свет карбида мелькал по лоснящимся колоннам, образующим портик с задней стороны дядиного дома. Там, в уютном углу у закрытых ставень окна, под аркадой, ждала меня Тамара. Я гасил фонарик и ощупью поднимался по скользким ступеням. В беспокойной тьме ночи столетние липы скрипели и шумно накалились ветром. Из сточной трубы, сбоку от благосклонных колонн, суетливо и неутомимо бежала вода, как в горном ущелье. Иногда случайный добавочный шорох заставлял Тамару обращать лицо в сторону воображаемых шагов, и тогда я различал ее таинственные черты; но это подкрадывался только дождь, и, тихо выпустив задержанное на мгновение дыхание, она опять закрывала глаза»¹.

Рождествено... Место, куда не раз возвращался в памяти американский (как он сам себя называл) писатель Владимир Набоков, место, где знал он каждую тропинку, каждый куст, и спустя десятилетия без труда смог бы мысленно пройти маршрутами своего детства и юности. Сюда, к себе 16-летнему, на крутой муравчатый холм среди лип и дубов, к реке Оредеж переносится 55-летний писатель, вспоминая свою первую, окутанную тайной любовь, и впервые за много лет

решается облечь свои воспоминания в прозу на родном, русском языке.

Как когда-то в детстве, потешаясь над гувернером, Володя смотрел на сменяющиеся картинки, проецируемые на стену волшебным фонарем, так и теперь, спустя полвека, память его воскрешает счастливые и беззаботные сцены прошлого, тесно связанные с этим местом: от чувственных свиданий с 15-летней соседкой по даче Валентиной Шульгиной, скрывающейся под именем Тамары, назад к малолетству в окружении учителей и бонн, игре в шахматы с отцом, в теннис с братом, подъемам ни свет ни заря для ловли бабочек, и еще дальше — к первым шагам, первым кубикам неподходящего для них цвета, открывшим малышу удивительный мир синестезии. Границы памяти выходят и за личные рамки. Гатчинский район Ленинградской области — это еще и увлекательные семейные истории о том, что предшествовало рождению Владимира.

Именно тут давным-давно, еще в XIX веке, познакомились и породнились соседи по имениям Дмитрий Набоков (министр юстиции при Александре II и III) и Иван Рукавишников (миллионер-золотопромышленник).

Набоковы владели имением в деревне Батово, в паре километров отсюда, а Рукавишниковы — имением «Вырская

1. Усадьба
Рождествено

Мыза», предназначенным в приданое дочери Елене, и имением «Рождествено», напротив от Выры, предназначенным в наследство сыну Василию. Говорили, что рождественская усадьба построена на развалинах дворца, где «Петр I, знавший толк в отвратительном тиранстве, заточил Алексея».

Берега реки Оредеж, вид на которую открывался из всех трех усадеб, напоминали писателю, как бабушка (урожденная баронесса фон Корф) рассказывала ему о рыбалке, на которой познакомились его родители, а дорога в деревню Грязно — о велосипедной прогулке, где решилась судьба его матери (да и его самого). Будущий отец писателя, Владимир Набоков, так просто и неожиданно, среди крутого подъема на холм, предложил Елене Рукавишниковой руку и сердце.

С самого рождения Владимир Владимирович Набоков жил на три усадьбы, находящиеся в пешей доступности друг от друга: «Наша Выра», «Бабушкино прелестное Батово» и «Дядина рождественская белая усадьба на муравчатом холме».

До наших дней дожила только усадьба «Рождествено», которую дядя писателя, Василий Рукавишников, живший в Италии денди с «внешностью и обнаженностью чувств Пруста», оставил в наследство своему любимому племяннику Владимиру в 1916 году. Последнее лето перед своей неожиданной и потрясшей всех смертью 44-летний Василий провел в этих стенах.

Эксцентричный, не вынимавший гвоздик из петлицы пиджака, дипломат оформил со вкусом интерьеры подаренной отцом усадьбы и наполнил их диковинками, привезенными из путешествий: «шашечница мраморного пола в прохладной и звучной зале, небесный сверху свет, белые галерейки, саркофаг в одном углу гостиной, орган в другом, яркий запах тепличных цветов повсюду, лиловые занавески в кабинете, рукообразный предметик из слоновой кости для чесания спины». Своих детей Василий не имел, поэтому после его смерти Владимиру, помимо усадьбы, досталось еще и крупное состояние дяди (а римскую виллу и замок в Нижних Пиренеях получил по завещанию его итальянский друг).

Владельцем «Рождествено» Владимир Набоков был всего один год. Тогда 17-летний юноша и видел «очаровательную, необыкновенную» усадьбу, прилегающую к ней

парк с вековыми дубами и «незабвенную колоннаду заднего фасада, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы его счастливой юности» в последний раз.

После революции в здании разместилось общежитие ветеринарного техникума (а сам техникум — в «Нашей Выре»), в войну — немецкая инженерная часть, потом школа. Знал ли об этом прославившийся в Америке писатель? Хотел ли знать? Не раз, понимая, впрочем, бесполезность своих дум, он представлял, как справит фальшивый паспорт, проникнет в Советскую Россию, отправится напрямиком в «Рождествено»... Но что найдет там? Не лучше ли оставить это место призракам прошлого, идеальному миру волшебного детства и юности, в который всегда можно вернуться в своем воображении?

Средь пожелтевших берез навсегда осталась гибкая миниатюрная фигура Валечки Шульгиной, ждущая своего возлюбленного, неясный силуэт управляющего домом Евсея, почтительно предупредившего Владимира, что из кустов за парой наблюдает гувернер с огромным телескопом, заботливая мать, пришедшая в ярость от новостей о бессовестной слезке и приказавшая прекратить любые вмешательства в жизнь сына, — лишь оставлять ему по возвращении из «Рождествено» фрукты и простоквашу².

Бурный, полный страсти роман с Валею (Тамарой) сам

«Ее юмор, чудный беспечный смешок, быстрота речи, картавость, блеск и скользкая гладкость зубов, волосы, влажные веки, нежная грудь, старые туфельки, нос с горбинкой, дешевые сладкие духи — все это, смешиваясь, составило необыкновенную, восхитительную дымку, в которой совершенно потонули все мои чувства. Жизнь без Тамары казалась мне физической невозможностью, но, когда я говорил ей, что мы женимся, как только кончу гимназию, она твердила, что я очень ошибаюсь или говорю глупости»².

собой незаметно угас, оставив «смесь мучительной любви, сожаления, удивления, стыда»³. Одновременно с этим исчезла и прежняя жизнь, и прежняя Россия. Вынужденный эмигрировать, писатель ставил знак равенства между

потерей Родины и потерей возлюбленной, образ которой навсегда остался связан для него с невозвратным миром прошлого.

Уже в эмиграции, тоскуя по родным местам, 23-летний Владимир вспомнил свою «В. Ш.» и их встречи на Миллионной, около особняка Набоковых, и рядом, на Дворцовой площади⁴.

Если ветер судьбы, ради шутки,
дохнув, забросит меня
в тот город, желанный и жуткий,
где ты вянешь день ото дня,

и если на улице яркой
иль в гостях, у новых друзей,
иль там, у дворца, под аркой,
среди лунных круглых теней,
мы встретимся вновь, — о, Боже,
как мы будем плакать тогда
о том, что мы стали несхожи
за эти глухие года;
о юности, в юность влюбленной,
о великой ее мечте,
о том, что дома на Мильонной
на вид уж совсем не те⁴.

Литература

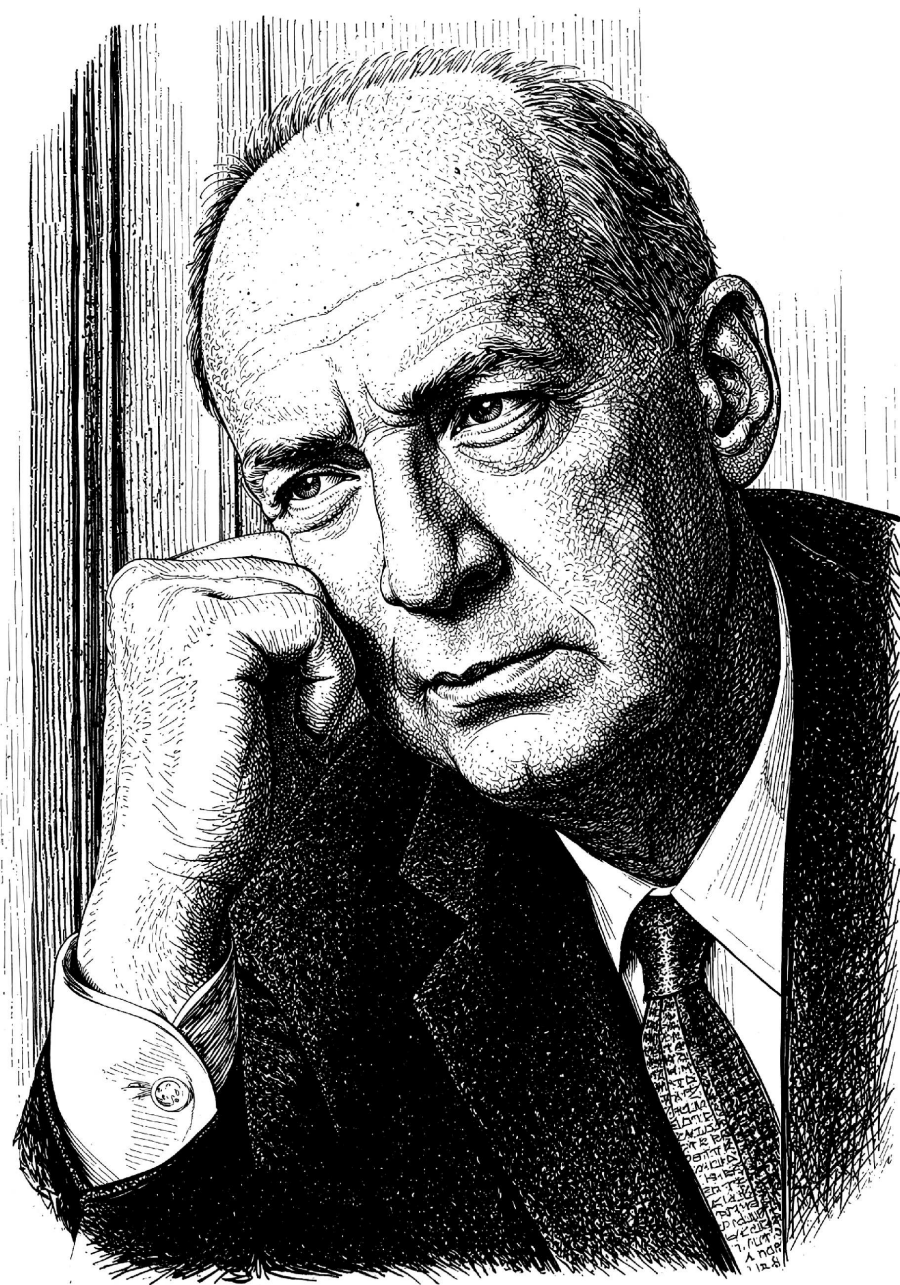
- Аросев Г. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова.
- Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы.
- Набоков В. Другие берега.
- Набоков В. Память, говори.
- Набоков В. Стихи.

---

2 Набоков В. Другие берега.

3 Там же

4 Набоков В. Стихи.

2. Владимир
Набоков

Усадьба Пятая Гора

деревня Пятая Гора,
Волосовский район
Ленинградской обл.

«Брискорн жаловался однажды, что получает мало дохода с курляндского имения, в соразмерности с капиталом, которого оно стоит.

– Послушайтесь моего совета, – сказал Кнорре, – употребите капитал на извороты. А между тем стерегите, не продается ли где имение в России подешевей цене. Вы его купите и будете иметь вдвое более дохода против курдяндского.

Брискорн послушался, продал имение, а деньги отдал другу Кнорре, чтоб пустить их в оборот. Между тем приглянулось ему наше родовое поместье «Пятая Гора», которое бабушка непременно хотела сбыть с рук, и он, согласившись в цене (сто пятьдесят пять тысяч рублей ассигнациями), дал пятнадцать тысяч в задаток»⁵.

Так, с откровенного разговора двух друзей, умного и уважаемого сенатора Федора Брискорна и столь же умного, но хитрого и лживого надворного советника Кнорре, началась новая страница истории загадочного имения Пятая Гора, в которой сплетутся лицемерие и расчет, красота и успех, голод и убийства, роскошь, плутовство, предательство и, наконец, смерть – через 20 лет после судьбоносного договора с Кнорре прах Брискорна будет покоиться под куполом этой самой церкви, сооруженной в его честь.

Итак, Федор Брискорн – добившийся внушительного успеха дипломат, бывший статс-секретарь Павла I, а ныне сенатор при императоре Александре I, человек с безукоризненной деловой репутацией, но в личностных качествах – скрытный, мнительный и недоверчивый. В обществе 40-летнего политика считают странным, без усталости сплетничают о его тайной домашней жизни (на правах супруги у Федора проживала «падшая женщина» Анна – то ли беглая матрос-

ская жена, по заверениям некоторых светских дам, то ли оказавшаяся в безвыходном положении дворянка) и недоумевают, как при всей своей подозрительности и закрытости своим единственным другом и советчиком во всех делах Брискорн выбрал плута Кнорре, которого те же светские языки прозвали лисой в медвежьей шкуре.

Кнорре, узнав о том, что Брискорн желает продать подаренное ему Павлом I курляндское имение и прикупить новое поближе к Петербургу, решил воспользоваться ситуацией и «помочь» единственному другу. Он пообещал через известных только ему одному людей пустить вырученные от продажи деньги «на извороты», бескорыстно заработать для Федора как минимум десять процентов прибыли, и пока тот ищет новое имение, увеличить его капитал. Когда же это время пришло, и Брискорн, которого родственники давно предупреждали о проделках мошенника, объявил Кнорре, что собирается покупать Пятую Гору и требует вернуть свои деньги, хитрый надворный советник, не моргнув глазом, удивленно сообщил, что расписок никаких не давал и не понимает, о каких деньгах идет речь. Процесс покупки Пятой Горы тем временем уже был запущен: нынешняя владелица имения Христина Фок уже получила от Брискорна задаток и ожидала следующего платежа.

Христина Фок была бабушкой будущего журналиста и писателя Николая Греча, которому в то время было шестнадцать лет. Высокомерная, сварливая старушка унаследовала Пятую Гору с пятьюстами душ крестьян после смерти сестры, первой хозяйки имения, проведшей здесь последние свои годы и скончавшейся в 1802 году. Но имея долги и ведя дорогостоящий судебный процесс с зятем, Фок решила расстаться с имением. Николай, тем не менее, дважды успел остаться здесь на каникулы и с удовольствием вспоминал время, проведенное среди прекрасных местных пейзажей, несмотря на то что бабушка, содержавшая его мать с младшими детьми, ненавидела мальчика, постоянно оскорбляя память его умершего отца и попрекая каждым куском хлеба. Деньги решительной даме нужны были как можно скорее и, наконец, в 1804 году Пятая Гора была продана Брискорну. Христина Михайловна, прознав о трудностях сенатора, пошла на уступки: продала имение за сто сорок тысяч рублей, из которых получила девяносто одну тысячу, а остальные сорок девять тысяч были рассрочены.

Скандал, с которого началась новая глава в истории Пятой Горы, выдался нешуточный — чтобы вернуть свои деньги, Брискорн обратился лично к государю, но несмотря на то, что Кнорре поймали и признали виновным, сенатор вышел из зала суда не как победитель, а как сообщник мошенника. Кнорре обвинил его в ростовщичестве и лихоимстве, а вместо денег представил ему кучу векселей промотавшихся лиц.

Пятая Гора тем временем ждала своего хозяина, и, чтобы получить хоть какой-то капитал, Брискорн предложил 31-летней вдове Ольге Струковой, одной из участниц судебной тяжбы, руку и сердце.

Молодая вдова, недавно лишившаяся мужа, екатеринославского богача, и переехавшая в Петербург с двумя сыновьями девяти лет и одного года, охотно согласилась на выгодный брак. Остроумная и обаятельная девушка, привыкшая к роскошной жизни влиятельной помещицы и главенству в провинциальных светских кругах, получила возможность покорить столицу и увеличить свое благосостояние. С Пятой Горы, хозяйкой которой она стала сразу же после замужества, и началась ее трагическая слава, оставившая Ольгу Брискорн в истории, как бесчеловечную «салтычиху» и жестокую убийцу крепостных крестьян.

При всей своей одиозности пара умудрялась сохранять достойную репутацию в обществе. Чета Брискорнов вела приличествовавшую их положению светскую жизнь — о корыстолюбии успешного дипломата судачили разве что родственники (49 тысяч долга за Пятую Гору Брискорн не спешил отдавать наследнику Христины Фок, сохраняя при этом добродушный тон), а о жестоком обращении с прислугой новой госпожи, порядочной и ласковой с высокопоставленными гостями их петербургского особняка, можно было догадаться лишь по виду камердинера с разными пуговицами на порванном кафтане, оборванных лакеев да брани и криками, доносящихся из пыльных, запущенных внутренних комнат. В имении Пятая Гора, где Брискорны проводили летние месяцы, бесправному люду крепостницы было еще тяжелее — питавшиеся гнильем и умиравшие от холеры крестьяне, затеяв однажды бунт, были жестоко наказаны, а лидеры их — повешены. Над прекрасным имением с живописным прудом, фруктовым садом, огромным